Канат Магир БУКЕЖАНОВ

ХУДОЙ ЖНИК

Мистический детектив

Продолжение, начало в № 7–9, 2026.

11

Жизнь в предгорном посёлке текла неторопливо. Не было у этого места ритма, присущего большим городам. Не было той особой атмосферы, проникнуты культурные центры. И люди там жили ничем не примечательные. Просто каждый выживал по-своему и в одиночку. Особо не общались. Даже в старые времена, когда поселок назывался совхозом «Светлый путь», люди здесь жили мрачноватые. Пожалуй, особая угрюмость и неприветливость жителей и отличала атмосферу поселка «Тан Тенгри». Говорят, в древние времена из этого поселения выходили в свет герои и батыры, люди славные и гордые. Сейчас от прежней славы осталась только гордость. Именно гордость стала основной чертой характера местного человека, а мрачность и угрюмость – только внешним проявлением этой гордости. Да и не угрюмость это, а скорее привычка держать себя на людях с достоинством, внушающим уважение. Тот же самый выпивоха Казыбек, которого за глаза мало кто уважал, оттого что он так поддался своей пагубной страсти, что в состоянии запоя терял облик человеческий и ползал по земле как змей, даже он в трезвом состояний катил свою тележку с мусором с таким достоинством и величием, что смотреть ему прямо в глаза отваживались не все, зная, что ответ за дерзость последует немедленно.

Казыбек был дворником и мусорщиком при местном акимате. Наверное, при должном выборе, он не имел шансов получить даже эту работу, но мусорщиком в посёлке никто быть не хотел, даже испытывая особую нужду в средствах. Поэтому, несмотря на периодические запои, Казыбек в этом деле конкурентов не имел. Запои у него были предсказуемые и вскоре ожидался как раз очередной недельный прогул, который естественно вычитался из его зарплаты. В тот знаменательный день, который запомнился потом многим, он не вышел на работу не потому, что ушёл в запой, а потому что приключилась с ним странная болезнь. Соседка по имени Насипа, пожилая женщина, ухаживавшая за ним во время загулов, и которой он отдавал все лишние деньги, чтобы не пропить, заглянула к нему и нашла стоящим с опущенной головой. Время от времени он делал круговые движения, поворачиваясь вокруг своей оси, точь-в-точь как это делают бараны, заболевшие вертячкой. Местный фельдшер, пришедший на вызов, не смог уговорить Казыбека лечь на кровать для осмотра. Тот вырывался и вновь стоял, опустив голову, периодически поворачиваясь неизменно в правую сторону. Налицо были какие-то мозговые проблемы неврологического характера, и фельдшер ломал голову, как транспортировать больного для обследования в районную больницу. Единственную дорогу, ведущую в город, залил селевой поток, для расчистки требовалась спецтехника, которой посёлок не обладал, и администрация отправила запрос в министерство чрезвычайных происшествий.

Вскоре фельдшеру Абдулатипу поступили ещё звонки из разных концов посёлка. Люди утром обнаруживали, что их родные безучастно стоят, опустив голову и время от времени вертятся вокруг своей оси. Налицо была вторая психическая эпидемия. Вторая, после нашумевшей эпидемии страха, в результате которой трое женщин решились покончить жизнь самоубийством. Только одну молодую беременную женщину по имени Райхан удалось спа-

сти, и она благополучно разродилась сыном. Правда, сын теперь находился в городском Доме малютки, а мать в психиатрической клинике, в состоянии кататонического ступора.

Именно в то утро Райхан вдруг вышла из ступора, и санитар обнаружил её стоящей посреди палаты. Райхан, находившаяся в сотне километров от родного посёлка, стояла, опустив голову и кружилась вокруг своей оси, словно исполняя странный ритуальный танец.

12

Длинный день консультаций подходил к концу. Скробкин нажал кнопку и на двери загорелась красная надпись – СВОБОДНО. Постучав, в дверь вошла женщина, держа за руку сына.

– Здравствуйте, – сказала она, в то время как сын уже уселся на детский стульчик, – вы, наверное, нас узнали, мы приходили в позапрошлом году.

Скробкин вгляделся и действительно узнал. Обычно пациенты с консультаций, за которыми не последовал курс лечения, запоминаются не всегда. Но тут он вспомнил тот неприятный день, когда ему пришлось отказать в помощи неговорящему ребёнку, и мать долго и жалобно его уговаривала, как будто отказ был его личной причудой, а не зависел от серьёзных объективных обстоятельств. Именно в этом случае он увидел, что ничем помочь не может в силу возраста – мальчику уже миновало восемь лет, в то время как для целей оречевления процедуры необходимо начинать в четыре годика. Потом он видел, что и степень его аутичности такова, что не позволит ему успешно воздействовать на психику ребенка, слишком глубоко в своём мире находился тот. Для удачной социализации такого пациента требовались годы, а времени для оречевления уже не оставалось. Увы, так устроена физиология речи, что если находили детей раннего возраста, выросших вне человеческого общества, в среде волков или обезьян, то их удавалось более или менее обучить речи и встроить в человеческий социум, только если им было до восьми лет.

Ребёнок довольно властно указал матери на диван и произнёс:

– Сядь!

Мамаша послушно села на диван и сияя счастливыми глазами сказала:

– Мы вылечились! Видите, у нас всё прошло!

Но мальчик, прерывая её счастливые излияния, нетерпеливо махнул рукой:

– Теперь поспи!

Мать послушно откинулась на диван и через минуту уже спала, забавно шумно выдыхая воздух через губы и делая «пу-уф».

Тогда этот странный ребёнок посмотрел на Скробкина.

– Узнаёшь, – произнёс он хриплым недетским голосом, – узнаёшь меня?

Скробкина вдруг пробрала дрожь, и он впервые пожалел о том, что работает без медсестры или ассистентки.

– Ну? Узнаёшь?

– Ты дьявол? – у Скобкина задрожал голос, а в голове мелькнула мысль, что допрыгался он со своими теориями, теперь к нему будут являться всякие инфернальные силы.

Мальчик закатился в сиплом смехе и хлопнул ладошками, как бы в восхищении:

– Я же говорил, что ты умрешь дураком!

Что-то очень знакомое послышалось Скробкину, какая-то знакомая интонация напоминала ему о ком-то, но, убей бог, не припоминалось о ком.

– Ну! – мальчишка прямо-таки наслаждался моментом.

– Не, знаю, – признался Скробкин, – не узнаю!

– Учителя своего не узнаёшь?

«Учителя?» – мелькнуло в голове.

– Учитель? – несмело промямлил он.

– Ну, наконец! Вижу, признал дядю Васю.

– Дядя Вася! Но как это возможно! Вы, и в таком облике! Вы же умерли! – Скробкин сам не понял, прошептал он это или прокричал.

– Это тронг джунг! Слыхал о таком?

«Секретная практика вселения в чужое тело», – припомнил Скробкин.

– Слыхал что-то.

– Я так и прыгаю из тела в тело, после того как моё захоронили.

– Учитель, я очень переживал!

– Я видел твои слёзы. Ты единственный на свете, кто плакал обо мне. После похорон мне пришлось быстро прыгать в любое тело, чтобы колесо сансары не утянуло меня. Ничего подходящего не подвернулось, и я прыгнул в тело безумца, который лежал в больнице.

– А потом?

– Он умер через несколько лет. У него от лекарств разрушилась печень, и я не смог её исцелить. Дальше я прыгнул в его соседа. Так я поменял уже три тела, пока не оказался в теле этого юнца. Обычно в таких телах уже сидят несколько душ. Они договариваются проявляться по очереди и не хотят, чтобы хозяин тела осознался, поэтому его внимание занимают тем, что крутят ему кино.

– То есть показывают ему какой-то визуал?

– Это несложно, я ведь тебя учил отключаться и подключаться к кому-либо. Ты видел тогда чужие воспоминания. Тут то же самое. У мальчика нет ничего своего, поэтому он легко видит чужое. Из этого мальчика я выгнал три души. Пришлось побороться. Без знаний борьбы духов тут не справишься.

– А почему вы их выгнали?

– Потому что я не поступаю как они. Не подавляю, а исцеляю тонкое тело хозяина. Когда он начнет осознаваться, я прыгну в другое тело.

– Значит, вы теперь внутренний целитель?

– Похоже, вроде того!

– А я принял вас за дьявола и испугался!

– Запомни, не надо бояться вообще никого. И дьявола – тоже. Страх – это пища богов! Не надо никого кормить! Ну я же учил тебя этому.

– Да, учитель, но в последнее время я много говорил об этом, писал и подумал, что притянул к себе злую силу.

– О чем ты писал? О дьяволе?

– И о нем, и об аде, и о том, что мы сами создаем и то и другое своей верой.

– Я не знаю, что ты писал, но дьяволы бывают двух видов. Те, кого назначили быть дьяволом, и те, кто стали дьяволом потому, что потеряли свое единство. Хочешь услышать меня?

– Конечно, учитель!

– Во-первых, в твоем мире не может быть ада! Потому что в твоем мире можно курить табак и пить пиво. А вот в моем мире как раз полный ад. Потому что в теле этого мальчика я не могу ни того, ни другого. У тебя есть папиросы? Дай мне покурить немного!

– Дядя Вася, вы сами целитель и знаете, что я, как врач, не дам ребенку ни спиртного, ни курева! Пусть даже в теле ребенка находитесь вы, мой учитель!

– Знаю, что не дашь! И эта, моя мать, закатила такой концерт со слезами и криками, когда я попросил ее купить мне жигулевское пиво!

– Могу себе представить!

– Говорю же, полный ад!

– Хорошо, учитель, я понял, в чем состоит для вас ад, но кто дьявол?

– Их много на самом деле. Но тот, кого назначили быть дьяволом в наказание – это Яма...

Уже вечером Скробкин записал разговор с учителем:

Учитель рассказал мне историю тибетского отшельника, который пятьдесят лет провел в медитации и вскоре должен был достигнуть нирваны, но однажды вечером его медитацию прервали два вора. Они вошли в его пещеру с украденным быком, которого тут же убили и отрезали ему голову. Увидев отшельника, они захотели убить и его, чтобы уничтожить свидетеля. Напрасно умолял их отшельник, говорил, что если они его убьют, то пропадут усилия всей его жизни, пятьдесят лет отрешенных медитаций, и он уже никогда не войдет в нирвану в этом обличии. Но они не вняли мольбам и убили его, отрезав голову. Однако гнев, обуявший отшельника, был так велик, что он схватил первую попавшуюся голову и надел на свои плечи. То была голова украденного быка. И превратился он тогда в страшного демона с головой быка и жаждой убийства. И убил он своих мучителей, а потом захотел наказать и всё человечество, которое порождает таких алчных и злобных людей. И взмолились люди небу и пришел к ним на помощь великий бодхисаттва Манджушри, который загнал Яму в царство смерти, и сделался Яма царем и мучителем грешных душ. Таково теперь его предназначение – мучить других и самому от этого испытывать муки. Правда, есть ученые люди, которые говорят, что в теле отшельника пребывал сам бог Солнца, сын Вивасатвы, который в теле человека усмирял свой дух. Таков Яма – дьявол ада и бог неба.

Записывая этот разговор с учителем, он вспомнил друга Тимку, который говорил, как слезно умолял он своих мучителей отпустить его и не бить, но они не хотели его отпускать, и тогда он их убивал. Скробкина поразило это сходство ситуаций древнего Ямы и теперешнего Тимки. Кто же ты теперь, Тимка? Кто или что назначил тебя стать дьяволом?

– А также, – продолжал мой учитель, – есть дьяволы, ставшие таковыми, потому что потеряли свое единство. Дьявол – тот, кто находится в точке разъединения со своим добром. А это значит, что где-то живет его добро, которое там является богом.

– Учитель, а можете привести пример подобного?

– Например, у парсов в древности были боги ахуры, они защищали добро, а у индусов были асуры, которые были дьяволы, по-вашему, то есть причиняли зло. Это пример потери единства. Потому что находятся в точке разъединения всего. Когда же находятся в точке соединения всего, никто не знает ни добра, ни зла, а пребывает как младенец. А в точке разъединения всего ты взрослеешь или в добре или в зле.

– Дядя Вася, но Индия и Иран это географически близкие точки. Почему бы ахуру не встретиться с асуром и не стать одним целым?

– Потому что иногда твое добро живет рядом, даже в твоем теле. А ты никак с ним не соединишься. А иногда, ты думаешь, что в тебе нет зла, а оно есть в тебе, но ты этого не знаешь. Потому что все, что касается богов, касается и человека. Среди нас тоже есть свои боги и дьяволы. Мы их называем – злодеи и праведники. Кто такой праведник? Это человек, который разъединен со своим злом. А кто такой злодей? Тот, кто разъединен со своим добром. Обычно не бывает окончательного разъединения. Поэтому в злом проявляется иногда добро, а в добром может победить зло. Но если ты очень далеко ушел от своего добра, то становишься почти дьяволом. И наоборот.

– Почти богом?

– Ты должен знать, что есть боги и есть Бог. Бог – это тот, кто не живет в точке разъединения всего и не живет в точке соединения всего, а тот, кто эти точки имеет в своем подчинении. И Бог – это тот, кто не подчиняется добру или злу, а подчиняет себе и то и другое. Все остальные – и боги, и дьяволы, и праведники, и злодеи – лишь служители.

– Примерно так я и думаю, учитель!

– Значит, ты на правильном пути!

– Только мне всё же хотелось бы верить в существование бога доброго!

– Ты думаешь как человек. Но добро и зло в понимании бога не то же самое, что у человека. Всё, что хочет и делает бог, для него есть добро. Даже если ты думаешь не так. И всё, что бог не хочет и не делает, есть для него зло, даже если ты думаешь иначе!

– Я думаю, это самое трудное для понимания, учитель!

– Для твоего и моего понимания это не самое трудное, а невозможное. Даже если ты станешь богом, ты не поймешь этого. И если ты станешь дьяволом, ты не поймешь этого. И даже если ты станешь богом и дьяволом одновременно, ты не поймешь этого. Для этого надо быть тем, кто делает богов и дьяволов и помещает их туда, куда хочет поместить.

– Но разве человечество не создает и богов, и дьяволов, тех, кто потом становятся препятствием для развития человечества?

– Ты говоришь сложно, но я тебя понял. Даже отдельный человек может создать своего бога и даже наделить его силой. Но этот бог в своих проявлениях останется всего лишь тюльпой. Да, тюльпы, объединяясь, могут превратиться в нечто большее и даже великое, но всё же они останутся тем, чем являлись, всего лишь тюльпами, не способными создать человека. А Бог – это тот, кто может создать создающее. Бог – тот, кто создал тебя и меня и вложил в нас рассуждение, и мысль, и смелость, и даже бунтарство. А тюльпы и их власть – всего лишь клетки, которые мы сами себе создаем.

Конечно, дядя Вася говорил несколько иначе, ведь он иностранец, и его речевой запас в русском языке ограничен, но смысл был ясен, и Скробкин пытался передать его максимально точно на добротном литературном языке. И, конечно, не со всем в его рассуждениях соглашалась его душа. Ведь Бог в глазах самого малого и простого в проявлениях жизни человека, если он таков, как рассуждал дядя Вася, то ничем не отличался бы от ужасающего монстра. В рассуждениях дяди Васи были сила и власть Бога, были могущество и знания, но не было милосердия и любви, снисхождения к слабости творения и жалости – того, в чем нуждается человек. Того, без чего сам человек может превратиться в монстра. И Скробкин думал, что даже если Бог не таков, и почти наверняка не таков, и дядя Вася, конечно, во многом прав, то человеку всё же обязательно необходимо было придумать бога любви, того самого, смерть которого провозглашал Ницше и которого, конечно же, действительно не существовало, но ради которого отдельные люди совершали подвиги доброго делания и к идее существования которого привык Скробкин и, не до конца веря в него, всё же равнял свою жизнь с оглядкой на этот идеал. Это был целиком субъективный бог, и в объективном мире ему не было места, и существовал он в сердцах всё более ограниченного числа людей, вроде его Гали и ее родителей. И исчезновение таких людей означало бы, наверное, исчезновение привычного человечества. Нет, человечеству необходимы мифы и мифотворцы! Развенчателей мифов и утопий много, а вы попробуйте придумать что-то подобное, с верой во что станет теплее на душе и легче жить, несмотря на великие трудности.

13

Вскоре обнаружилось, что все, заболевшие непонятной «вертячкой», как назвали это состояние местные жители по аналогии со знакомой болезнью скота, в момент, когда странный транс отпускал их, еще какое-то время находились в прострации, как после эпилептического припадка, а потом возвращались к своим делам и превращались в обычных людей до следующего раза. Была замечена еще одна особенность. Все люди, подверженные этому состоянию, зависали и начинали вертеться одновременно. Вскоре периодичность трансов стала увеличиваться. Полосы обычной жизни сокращались день ото дня, и фельдшер с ужасом думал, во что превратится жизнь этих людей, если они станут вертеться, не имея возможности поесть или поспать? Нужна была срочная психиатрическая помощь, но устранение завала на горной трассе задерживалось...

Бобайша апай тоже была недовольна этими вертящимися под ногами бездельниками. Никакой от них пользы! Ни убрать территорию вокруг дома аулие, ни помыть многочисленные тарелки и подносы с едой, которые были разложены в дар аулие. Где у людей сознательность? Понятно, когда они восхваляют в танце Господа, вторя самому аулие, но когда они получали передышку, то тут же начинали жадно есть всё, что попадалось под руки, или жадно пить, спустившись к реке, как скотина на водопое, или же просто валились на землю и спали. Бобайша апай пыталась как-то организовать себе помощников, но безуспешно. С прославлением у нее тоже не всё ладилось. Это было необычное прославление. В церкви «Star», где она получила навыки прославления Господа, можно было танцевать как осязаешь, отпустив разум, плыть по потоку духовной чувственности. Здесь же верующие прославляли, подчиняясь единому стандарту, вернее, точь-в-точь повторяли движения аулие, крутясь, как волчки, против часовой стрелки. Бобайша апай попробовала было вертеться, но голова закружилась и к горлу подступила тошнота. И она принялась за работу. Она помнила притчу из какого-то Евангелия о Марии, которая слушала проповедь учителя, и о Марфе, которая трудилась, обслуживая скопление людей, готовя на них и подавая пищу. Помнится, Господь упрекнул Марфу, говоря, что надо быть как Мария и слушать проповедь. Но здесь, у аулие, не было никакой проповеди, а значит, здесь нужна была не Мария, а Марфа. И она будет Марфой! Когда аулие заканчивал свое прославление, она бежала к нему с тарелкой и подавала кусочки вареного мяса или лепешки, потом чай или суп. И он охотно ел с ее рук, очень быстро насыщался и отталкивал протянутые руки, когда был сыт. Убиралась в домике она всегда в его отсутствие, пока он гулял по лугам и, обрывая высокие травы и головки цветов, разбрасывал их вокруг себя жестом сеятеля. Несколько раз приходили местный чабан Акимбек с женой, и поначалу Бобайша апай была с ними приветлива, слушала их рассказы об аулие и о том, что с ним приключилось, но постепенно она стала относиться к ним всё холоднее и холоднее. Потому что они бездуховные люди! Пыталась Бобайша апай благовествовать им Господа и спасение, но убедилась, что безуспешно. Недаром Бог громом предупредил жену Акимбека, чтобы не особенно вольничала она с аулие. Подумаешь, что зовет ее мамой! Тоже мне нашлась мама! Когда для него сам Отец Небесный как отец родной! Поэтому в один прекрасный солнечный день она так и сказала Акимбеку и Кулпынай, когда они вновь пришли на брошенную заимку, где жил аулие, что теперь она, Бобайша – священнослужитель этой местности, а неверующим здесь не место.

– Для вашей же безопасности, – добавила она.

Жена Акимбека не возмутилась и, надо отдать ей должное, вела себя спокойно и вежливо. Просто спросила, как она собирается мыть его?

– Мы с Акимбеком мыли его каждую неделю, – сказала она, – и если понадобится помощь, то позовите нас. – Ничем она не выдала своего возмущения решением Бобайши апай, только пальцы ее подрагивали, когда она развертывала пакеты с разным угощением. – И, если еда кончится, предупредите нас! – сказала на прощанье, не обернувшись.

«Да она гордячка, эта Кулпынай! – подумала Бобайша апай. – Тем хуже для нее! Бог гордым противится, а смиренным дает благодать!» – вспомнила она слова, произнесенные на проповеди пастором Чхо Ин Дук.

14

«Светка, Светка, маленькая ветка!» – говорил татусинька, смеясь, и подбрасывал ее так высоко, что Светка немного взвизгивала от страха, а потом, когда падала в его объятия, то хохотала взахлеб, потом опять визжала и опять хохотала, откидывая голову и жмурясь, чуть поматывая головой, так, чтобы косички плясали в воздухе. «Светка, Светка», – татусин голос зазвучал ниже и грубее, и Светка с прижмура, в полете глянула вниз и завизжала во всю дурь, потому что подкидывал ее не татуся, а громадный, черный медведь и, поймав ее, вонзил когти ей в бока, и Светка издала бешеный визг, чуть не захлебнувшись от страха. Открыв глаза, она вскочила с постели и оглянулась в полутьме. С улицы в комнату тек полупризрачный мерцающий свет уличных фонарей, а один мерцал, потому что, видимо, лампа у него замыкала. И эта мысль, что лампа фонаря не контачит, такая хозяйственная и материальная, ее окончательно успокоила. И еще Скробкин, кажется, разбуженный ее криком, поскреб в дверь и спросил тихо:

– Света, у вас всё в порядке?

– Да, да, это мне сон дурной приснился, извините, что разбудила! – ответила она, стоя у окна и слыша, как он пошлепал босыми ногами к себе и тихо закрыл дверь в свою комнату.

Света улыбнулась: «Все-таки, какой милый и заботливый человек!» Обернувшись от окна, всё еще улыбаясь, оглядела комнату и собралась было шагнуть в сторону своей кровати, но взгляд упал на угол, где стоял резной старинный буфет и какая-то страшная маска в углу. Впрочем, маски не было видно, потому что весь угол закрывала темная фигура. У Светы сразу пересохло горло, и она прислонилась к подоконнику, чтобы устоять на ногах, которые стали вдруг ватными. Большая фигура медленно двинулась из угла и произнесла: «Светка, Светка, маленькая ветка!» На нее шел тот самый медведь из сна. Наяву! Самый настоящий оживший кошмар! Света хотела крикнуть, но почему-то ее голос, такой звонкий во сне, тут, наоборот, сел, и из горла послышался только какой-то хрип и всхлип. Колени совсем ослабели и подогнулись. «Светка», – сказал медведь, надвигаясь на нее вонючей пастью и протягивая лапу. Когда он дотронулся до нее, то Света вдруг поняла, что это не сон и лапа настоящая, медвежья. Накатила дурнота, в глазах заплясали белые мушки, и она упала, потеряв сознание.

Скробкин, услышав грохот падения, как есть в майке и трусах вбежал в соседнюю комнату. Света лежала навзничь на полу без чувств. Скробкин хотел было бежать к аптечке за нашатырем, но уловил вдруг стойкое ощущение присутствия, настолько мощное, что от него даже подташнивало. Ощущение, что обжитая и уютная комната вдруг превратилась в логово опасного зверя. Подхватив Свету, тяжелую и обмякшую, перенес на диван в свою комнату, а потом сбегал за нашатырем. Света открыла глаза и, увидев иконы, висевшие на стене в ковровой развеске, сказала, что иконы надо вешать по углам, а не на стенах, и маски уродские убрать! Потом опять обмякла, ее стало мутить, как при морской болезни, и пришлось притащить тазик из ванной, на всякий

случай. Света к тому времени отошла и, выдув две порции корвалола по сорок капель, рассказала про свой сон и явь.

– Я честно вам говорю, живой медведь был, настоящий, говоривший татусиным голосом! – тут Света опять зарыдала, повторяя: – Татусинька, татусинька, за что мне это?

Налицо было проявление и воздействие энергоинформационного объекта, скорее всего того самого, из-за которого там, в поселке Светиных сватов, уже покончили с собой два человека. Эта сущность или объект опять заработала и достала Свету оттуда, скорее всего, потому что: а) У Светы есть особая чувствительность, как у самого Скробкина; б) Света уже обозначилась своим присутствием в поле этого объекта и как бы территориально уже принадлежала ему, и, следовательно, нет никакого резона ее прятать, потому что всё равно он ее достанет и постарается извести. Не всякий человек перенесет реальную галлюцинацию медведя с отцовским голосом. Неизвестно, что видели те женщины, покончившие с собой, но явно что-то очень страшное.

Положив Свету в своей комнате при зажженной лампе и в наушниках, проигрывавших специальную мелодию с записью шести основных частот сольфеджио, применяемых для восстановления психики при звукотерапии, Скробкин прошел в комнату Светы. Вгляделся в угол. Он продолжал фонить четким ощущением инфернального присутствия. Требовалось сделать замер. Засев на кухне, он позвонил Жеке. Жека взял трубку с четвертой попытки.

– Михаил Рафаэлевич, что случилось?

Жека сам когда-то настоял на этом церемонном обращении к нему по имени, отчеству, сказал, что неудобно по-другому, не привык и не так воспитан. Пришлось уступить.

– Жека, будешь молодца, если возьмешь анализатор шумов и второй аппарат, который не ёж, а пушка, и дуй ко мне на такси! У нас объект проявился, надо его засечь, пока фонит.

Жека понял мгновенно и отрапортовал:

– Щас!

Все жё Жека молодца! Всем молодцам молодец! О таком расторопном ассистенте только мечтать!

Скробкин наведался к Свете, и та, слушая музыку в постели, махнула рукой, что всё нормально, в ответ на его вопросительный взгляд.

Жека приехал буквально через полчаса и сразу сунулся в аномальную комнату. Вышел оттуда, буркнул, что что-то есть, и стал вынимать из футляра анализатор шумов. Новенький китайский анализатор, покупку которого спонсировал Скробкин, кроме слышимых шумов улавливал низкие инфра- и высокие ультразвуки, а также выдавал анализ спектра и уровень виброускорения. Направленный в угол при приближении в два метра, он показал стойкое излучение инфразвука в диапазоне 18,9 Гц, тот самый диапазон, который исследователи называют частотой страха.

– Ну, будем включать аппарат? – Жеке явно не терпелось опробовать аппарат в действии.

– То, что мы тут должны сделать, Женя, называется на профессиональном языке – использованием специальной техники для коррекции частоты колебаний в сторону более высокого спектра. Но мы не можем это сделать сейчас, потому что нас оштрафуют за нарушение сна и покоя мирных жителей в ночное время. Потому что пробовать надо в слышимом режиме. Я думаю, «колокольный звон» подойдет.

– Так до утра всё рассеется!

– Я могу ошибаться, но мне кажется, что пока с нами Света, нас еще ждут разные сюрпризы. Она уже меченная воздействием нашего монстра, поэтому

утром заберешь Свету к себе, потому что воздействие на нее может быть и днем. Я на работу до обеда, а ты за ней приглядишь. В обед мы с тобой заедем и, если излучение не рассеется, обработаем угол. А сейчас я тебе постелю на раздвижном кресле.

– Не, мне лучше на полу, на ковре. Люблю спать на твердом!

– Хорошо, если так!

Утром Света, знакомясь с Жекой, стала пунцовой, а Жека сделался еще серьезнее, чем обычно. Жека всегда был серьезным парнем и очень злился, если его воспринимали легкомысленно. Глядя на молодых людей, Скробкин весело и по-отечески удовлетворенно подумал: «Есть контакт!»

15

Постучав, в кабинет вошли дядя Вася и его мать. «Интересно, кем она ему приходится теперь на языке человеческих отношений»? – подумал Скробкин.

– Я к тебе по делу, – сказал дядя Вася озабоченно и уселся на детский стульчик. – Ты поспи! – как всегда повелительно обратился он к своей приемной матери или, вернее, к родной матери своего приемного тела. Та послушно села на диван и прикрыла глаза.

– Да, учитель, как ваши дела?

Дядя Вася озабоченно махнул рукой:

– Какие могут быть дела у бесплотной души? Меня сейчас волнуют твои дела!

– У меня всё нормально, учитель.

– Разве нормально, что ты собираешься спорить с богом с помощью детских игрушек?

– С богом?

– А кто приходил к тебе ночью? Думаешь, человек?

– Так это бог? Какой бог?

– Это бог новый и старый. Боги тоже умирают, если их забывают люди и не приносят им жертв. Иногда одни слабые боги приходят к сильным и просят их проглотить. Тогда два бога становятся как одно.

– Но, учитель, как бог может проглотить бога? Они же не антропоморфны?

– Антропо... Что? Не говори со мной на непонятном языке!

– Бог – не человек, у него нет рта, желудка и так далее, как он может глотать кого-либо?

– Бог – это энергия, и питается он тоже энергией. Когда люди в него верят, плачут, молятся, восхваляют, приносят жертвы, то бог получает энергию, и он силен. Но если его забывают, то его энергия уменьшается, и он становится подобным простому голодному духу. У него есть два пути. Или пойти к другому сильному богу и слиться с ним в одно целое. Или же пойти путем обычных духов, избегающих колеса сансары. То есть путем обряда тронг джунг войти в человека. Бог, посетивший тебя вчера, идет двумя путями сразу. Сначала он слился с другим богом. Потом вошел в человека. Теперь он сеет страх и поглощает энергию страданий, потому что молодому богу, чтобы набраться сил, нужна грубая и сильная пища. А это страх, это страдание, слёзы, горе и боль. И он, как большой пылесос, всасывает эту пищу и становится сильнее.

– Вы хотите сказать, что все боги такие? Есть же в них милосердие?

– У молодого бога всегда одно лицо, и пока он не станет могучим, это лицо страшное. Потом у него появятся лица сострадания, исцеления болезней, добрых даров. Потому что у него появляется время поглощать более тонкую энергию. Это не милосердие и не сострадание. Это энергия, для поглощения которой у него освободилось время. Как богач, который, подобрав всё золото, станет собирать и серебро, а потом не пройдет и мимо медной монеты. Тогда

старое лицо останется у него как его гневное проявление. И появится много других лиц – милосердия, исцеления, радостных праздников и кормления голодных. А ты собираешься ехать и бороться с богом, у которого только одно голодное лицо, с помощью своей игрушки, которую собрал твой мальчишка. Это всё равно, что ехать с мухобойкой покорять слона.

– Но даже на Тибете есть ежегодная церемония отпугивания зла с помощью стрельбы из ружья. Я думал, вибрация воздействует на их структуру и нарушает равновесие.

– Отпугивание зла с помощью выстрела – это всего лишь одно лицо из множества ликов невежества. У невежества много ликов. Твоя звуковая игрушка всего лишь один из ликов невежества.

– Так что же делать, учитель? Сидеть сложа руки? Как бороться с массовым страхом, доводящим до самоубийства?

– Бороться против одного бога можно только заручившись милостью другого.

– Но я не знаю других богов. У меня есть только вы!

Дядя Вася усмехнулся, но было заметно, что он польщен сравнением его с богами.

– Твой аппарат не подействует на бога, но подействует на человека, в чьем он теле. И если разбудить сознание этого человека, то оно будет изгонять из себя любого чужака. Только разум способен противостоять богу, демону или духу.

– Как случилось, что бог захватил тело этого человека? Он был в опьянении, в наркотическом трансе или психически болен?

– Жестокие люди жгли его тело на костре. От боли и страха его дух заснул и блуждал во снах. В это время бог, который всё время летал над ним и ждал удобного случая, вошел в него.

– Что это за бог, учитель?

– Он – синий Зевс. Это бонский Зевс.

– Разве бывают синие Зевсы?

– Сейчас всё бывает, Миша! Время такое!

– Вы поможете мне одолеть его?

– Тебе придется поить меня пивом, в каком бы теле я не находился! – хитро улыбнулся дядя Вася. – Если только нам удастся сохранить себя, – добавил он уже серьезно, потом разбудил свою послушную маму и ушел.

16

Бобайша апай не переживала, что прогнала Кулпынай. Нечестивые не должны касаться святости. Прежде всего потому, что это для них опасно. Она сама должна была омыть тело аулие, как это сделала блудница, омывая ноги Иисуса и утирая их своими распущенными волосами. Бобайша апай думала о том, что она ведь тоже блудница, только в духовном смысле. Как долго она блуждала, пока Всевышний не привел ее в это благословенное место. Думая о той блуднице, она впервые пожалела о том, что у нее нет таких волос, какие носили женщины в древности. Сейчас у нее была короткая стрижка и когда-то покрашенные волосы, чтобы скрыть седину. Сейчас краска почти сошла на нет, и она поклялась, что отрастит такие благочестивые волосы, которые могут заменить полотенце для утирания ног ее аулие.

Совсем еще недавно она ходила в церковь южнокорейского миссионера Чхо Ин Дука. Церковь называлась «Star». Тамошняя атмосфера ей понравилась сразу, и она хлопала на служении громче всех и танцевала так, как никогда до этого. Это называлось – «восславить господа». Пастор Чхо Ин Дук заметил ее рвение, и вскоре она стала дьяконисой церкви «Star». Она с ра-

достью выполняла все возложенные на нее обязанности – быть на подхвате в столовой, посещать больных и молиться, считать вместе с двумя другими дьяконисами приходские пожертвования после службы и вести учет расходов на нужды церкви. Но другая половина того года в церкви в качестве служителя всё переменила. Первый ее проступок был в том, что она на домашнее собрание принесла испеченные пятничные жеті шелпек и угостила всех, призывая помянуть ее умерших родителей. Разразился просто грандиозный скандал! Оказалось, что корейская церковь много лет боролась в своей среде с обрядом поминания умерших, называя это идолопоклонством. И Бобайшу апай сняли с должности дьяконисы и призвали к покаянию. Никакие ее оправдания не принимались во внимание. Чхо Ин Дук, так хорошо проповедовавший Бога любви, был в гневе и не захотел даже пожать ее руку после богослужения, когда по обыкновению стоял в дверях и пожимал руки всех выходящих прихожан. Тогда взыграла ее гордость, и она покинула церковь сама.

– Здесь нет Бога! – громко сказала она и вышла, оскорбленная в лучших чувствах.

Она вдруг ясно поняла, что эта церковь неправильная – «шірік», то есть загнившая, раз в ней призывают забыть предков! Она что, должна была забыть отца и мать и не оказывать их душам должного почтения? Этого не будет никогда! «Бобайша, – сказала она себе, – ты должна покинуть это собрание нечестивых!»

Был еще второй ее проступок, уже вне церкви, и он был еще тяжелее первого. Так считал этот нечестивый Чхо Ин Дук. Бобайша апай стала гадать, раскладывая кумалак[1], а также очищать ауру отягощенных порчей людей с помощью ушкуру[2] и изгонять злых духов, возжигая священную траву адыраспан. Услышав об этом, пастор Чхо предал ее анафеме на воскресном богослужении. Бобайша апай узнала об этом от кумушек, приходивших к ней пить чай после очередного собрания и приносивших свежие сплетни из жизни церкви «Star». И тогда Бобайша апай встала над столом во весь рост и, грозно подняв указательный палец к небу, на глазах потрясенных кумушек предала пастора Чхо возвратной анафеме. Она не совсем понимала значение слова анафема, но, наверняка, это что-то плохое. И если этот пастор, не жалея ее, желает ей зла, то и ей его не жалко. «Анафема!» – произнесла она торжественно и строго, подняв руку. Так закончилась ее церковная жизнь и служение. Впрочем, этот период в ее жизни длился недолго, потому что она услышала потрясающую новость. В соседних горах появился настоящий аулие! Тот, кто призывает гром и молнии!

Пастор Чхо умел только кричать и гневаться, грозить в сторону грешников божьей карой, но никогда не мог реально призвать гром и молнию. Аулие мог! Пусть бы этот шірік пастор, предавший ее анафеме, вместо своих пустых дыңғырлаған[3] слов, призвал бы молнию и доказал ее неправоту перед Богом! Но Бог в ответ на анафему молчал. Стало быть, кто-то неправ, верно? Или она, или пастор Чхо, или Бог? Но Бог неправым не бывает и открывает своим детям только правильный путь. Вот он и указал ей путь к Чолпон-Килим. Сказано же где-то в писании: «Бог усмотрит!» И вот теперь она шла омывать тело аулие.

Прежде всего она спустилась в поселок и купила в магазине белое платье. Представьте, белое платье ее размера висело в магазине и ждало ее. Это ли не знак свыше? И теперь она, вся в белом, как невеста, стояла и завязывала веревку на поясе. Потому что она помнила из проповеди, что первосвящен-

[1] Древний кочевой способ гадания, который до сих пор популярен в Казахстане, Киргизии, на Алтае и в Монголии.

[2] В казахской культуре древний сакральный обряд исцеления и очищения с помощью заговора и дыхания.

[3] Переводится с казахского как «грохочущий», «гремящий», «гулкий» или «бренчащий».

ник Израиля, входя в скинию собрания, повязывал на поясе длинную веревку. Если он был неугоден Господу, то бывал поражен и его вытаскивали за веревку наружу. Не было сказано, чем мог быть поражен первосвященник, но наверняка молнией, потому что когда Бог давал Моисею каменные скрижали, то гора была покрыта огненным облаком и сверкали молнии! А она, Бобайша, кто она теперь, как не первосвященник Чолпон-Килима! Держать за другой конец веревки она попросила местного тракториста Майлибая, который когда-то подряжался строить для нее времянку вместе с друзьями.

– Восславим Господа! – воскликнула Бобайша апай и, перекинув через плечо новое махровое банное полотенце и держа в руках кумран с горячей водой и пластиковую шайку, вошла в дверь. Дверь закрылась, придвинутая ногой Бобайши апай.

Неожиданно внутри раздался хлопок и шипение, как будто змея в ярости предупреждала, или похоже на шипение кожи, когда скотину клеймят раскаленным тавром. Майлибай нерешительно подергал веревку, но она не поддалась. Как будто почуяв неладное, Майлибай кинул веревку и, пятясь, отошел от двери на безопасное расстояние, а потом бросился бежать на кочевье Акимбека.

Акимбек и его жена, встревоженные рассказом Майлибая, спешно прискакав верхом на паре лошадей, застали Бобайшу апай за чаепитием в своей времянке. Глаза ее глядели торжественно и остро. Милостиво кивнув Акимбеку и Кулпынай, она сказала:

– Наверное, этот трус Майлибай вас всполошил? На самом деле было от чего испугаться. Два раза молнии вонзались у ног моих. Но, слава Богу, аулие принял мое служение. Я омыла его и подстригла ногти!

17

Все люди вокруг были одеты в белые простыни, вернее задрапированы в них так, как это делали древние греки. Но присмотревшись, Скробкин начал яснее понимать, что это вроде на самом деле греки. Когда он фокусировал зрение на общий план, то всё вокруг было заполнено людьми в простынях, как в элитной бане «Арасан», что возле парка с Кафедральным собором, и он действительно начинал верить, что эта вот баня, конечно, не «Арасан», но тоже элитная, потому что где могут быть такие большие залы и такие чудесные дорические колонны? Но когда он фокусировал зрение на деталях, то фигуры вокруг послушно придвигались, как будто он смотрел в сильный бинокль, и Скробкин понимал, что да, это, конечно, греки, и не просто греки, а те самые, от которых пошло и всё хорошее, и всё плохое – демократия, классическая культура и эти самые термы, выглядящие как храмы богам, и сами боги.

И когда он подумал о богах, то разом как-то придвинулся к нему из толпы бородатый мужик в простыне, который при ближайшем рассмотрении оказался Зевсом, знакомый образ которого он помнил еще из большой детской энциклопедии. Правда, там он выглядел, конечно, статуя статуей, весь в белоснежном мраморе. А этот был вроде живой и одобрительно улыбался, но тоже был облачен в мраморные одеяния, что его выгодно отличало от прочего непотребного люда в простынях. Новые функции зрения оказались очень неудобными, потому что стоящий рядом человек был как бы в дымке расфокусировки, а сфокусировав зрение на ближину, Скробкин смотрел на близкий объект как в микроскоп. Сосредоточившись на лице Зевса, он видел каждую трещинку, и дойдя до глаз, увидел, что они без зрачков, как на статуе, только две щербинки, там, где когда-то были зрачки. Это его отпугнуло, и, быстро переделав зрение на даль, он сказал этой фигуре, сразу сделавшейся как бы облачной видимости:

– Здрасьте!

– Ты умрешь дураком! – засмеялся звонко новый голосок его старого учителя дяди Васи, который, оказывается, стоял рядом и держался за руку Зевса, как за мамкину. – Как же он тебе ответит, когда он мраморный? – весело сказал мальчишка – дядя Вася.

– И что, именно этот Зевс теперь наводит страх в соседних горах? – спросил Скробкин.

– Нет, конечно, дурачок, этот весь белый, а тот синий!

– И как же он посинел, учитель?

– С бровей, дурачок, с бровей!

Присмотревшись к бровям живой статуи, Скробкин действительно заметил, что брови у Зевса синие.

– Это какая-то накожная болезнь? – снова спросил он.

– Дурачок, какая же она накожная, когда с бровей начинается. Брови-то тебе не кожа.

– Учитель, я, конечно, понимаю, что действительно по сравнению с вами где-то малосведущ, даже глуповат, но всё же мне не хотелось бы, чтобы вы называли меня дураком так откровенно, да еще при людях!

– Где ты видишь тут людей?! – вскричал дядя Вася, – Где люди-то?!

Сказав это, дядя Вася толкнул Зевса, и тот вдруг тяжело рухнул на землю и разбился, а голова подкатилась к ногам Скробкина и подмигнула правым глазом без зрачков. А дядя Вася неудержимо двигался в толпе людей в простынях и толкал, и толкал, а они падали и бились, и, оказывается, все они – статуи. «Это ведь статуи богов», – подумал Скробкин.

– Дядя Вася, – крикнул он, – они же представляют культурную ценность!

Проснувшись, Скробкин нащупал шлепки и пошел на кухню, всё еще дивясь своему сну. Выпил стакан воды и посмотрел на часы. Два часа ночи.

Накануне, после приема больных, Скробкин, прихватив Жеку, съездил на квартиру и обследовал угол. Угол был еще жив и ответил угрожающим ощущением присутствия. Они с Жекой включили аппарат и ударили в угол усиленной резонацией колокольного звона. За это время Жека успел придумать и встроить в аппарат специальные резонаторы. Продержав звук в течение получаса, они опять замерили угол. Присутствие исчезло. Получалось, что пушка действовала, несмотря на скепсис дяди Васи.

Теперь надо было освободиться на недельку от работы, отложить все приемы и планировать экспедицию. Света была за то, чтобы ехать с ними. Подумав, решили, что она права. Во-первых, у Светы особая чувствительность на паранормальные проявления, во-вторых, она отмечена тем, что присутствовала в поле поражения, как бы была облучена неким объектом, и теперь он вряд ли оставит ее в покое, в-третьих, помочь ей при случае могли только они, так как были уже в курсе проблемы. Проблема же, конечно, та еще – зарождение молодого бога или реинкарнация старого бога в новом обличье. Главная угроза состояла в том, что этот молодой бог мог устроить что угодно, к примеру, что-то вроде казней египетских[4], чтобы набраться сил быстро. А набравшись сил, какие еще трансформации он мог произвести? Скробкин не верил рассказам дяди Васи о богах как изначально независимых субъектах. Все они так или иначе происходили от феномена под названием психика, человеческая ли, или нечеловеческая, или дочеловеческая. Помимо уже существовавшей грубой объективной реальности человечество веками создавало другую, психическую реальность, которая за века стала обладать характером подлинной

[4] Бедствия, наказания, казни (превращение воды в кровь, жабы, мошки, моровая язва, град, саранча, тьма, смерть первенцев).

объективной реальности. Речь могла идти даже о влиянии психической реальности на физическую. И тут, чтобы как-то внятно объяснить характер такого невидимого объекта, как психическая реальность, Скробкин воспользовался терминологией великого мыслителя и психолога Карла Юнга, которого почитал за одного из многих своих учителей. Вот что он записал перед тем, как заснуть:

Точно так же, как комплексы человека являются по Юнгу «разделенными фрагментами психики» и ведут себя как отдельные существа, так же и фрагменты коллективного бессознательного, которых можно назвать – «божественные комплексы», ведут себя по отношению к общему полю коллективного бессознательного. Божественные комплексы на пути к обретению статуса полноценных богов пытаются осознаться с помощью ассимиляции с человеческим сознанием, путем присоединения к особо чувствительным невротическим личностям. Именно подобная ассимиляция рождает и богов и их пророков.

И позже, уже на пути с работы, пока ехал к Жеке, а потом и приехав, на минуту присел и нацарапал в блокноте полувыдохшейся шариковой ручкой:

Отчего мы так живем? Если акт наблюдения, – всегда акт создания реальности, отчего не создать реальность идеальную? Может, оттого, что акт создания основной, базисной реальности творился ассимилированным сознанием? Это было сотворчество человеческого сознания и коллективного бессознательного в их ассимиляции. Когда человечество на заре своего полузвериного существования творит реальность в ассимиляции с таким же полузвериным бессознательным. Ведь о созидательной силе человеческой психики писали еще раввины.

И еще позже, уже дома, найдя нужный источник дописал:

Раввин Раббах сказал: «Если бы праведники захотели, они могли бы создать мир. Что им мешает? Ваши грехи. Если бы не ваши грехи, то не было бы никакой разницы между вами и Им».



«Вот так, – думал Скробкин, – беспомощность, невежество, бедствия выживания и страхи рождали комплекс вины, а из комплекса вины рождался божественный комплекс, который вел себя как отдельное от общего поля бессознательного существо, чтобы, осознавшись в человеке, родить божество, идеальную личность, не знающую беспомощности, страхов, слабости и горя. Человечество рождало богов как антиподов своего существования и добровольно порабощало себя ими. Создатели становились рабами созданий. Божество – это сотворенный идеал человечества, то состояние, какими люди сами бы хотели быть. Вместо того, чтобы стать господами своей жизни, они создали себе господ. На самом деле боги – это действующая модель человеческой мечты. И мечта эта не всегда добрая».

Продолжение мистического детектива можно прочесть в книге, выпущенной в этом году издательским домом «Мир».